

РУДОЛЬФ ПАНФЁРОВ

ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ!

ГИБЕЛЬ СОВЕТОВ

21 сентября по Центральному телевидению выступил Ельцин. Ошарашенным гражданам он объявил, что подписал указ № 1400 “О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации”. Гарант законности оповестил о прекращении функций Съезда народных депутатов, Верховного Совета и об их досрочном роспуске. На 11-12 декабря 1993 г. назначались выборы в Государственную Думу. Вот так руководитель страны совершил государственный переворот. А за десять дней перед этим Ельцин организовал преступный сговор, персонально заручился поддержкой министра обороны Грачёва, министра внутренних дел Ерина, и. о. министра безопасности Галушко и министра иностранных дел Козырева. Эта могучая кучка и подобрала подходящую дату объявления указа – 19 сентября, воскресенье, когда в Доме Советов (“Белый дом”) депутатов нет. Ельцинские “путчисты” решили захватить здание, а утром в понедельник не пустить туда никого. Однако просчитались. Руководство Верховного Совета организовало дежурство депутатов, так что в воскресенье в здании оказалось много народу. Это и заставило отодвинуть срок осуществления переворота на 21 сентября. Маховик был раскручен.

Между тем, не теряя времени, действовали депутаты. Была проведена запись выступления Председателя Верховного Совета Р. Хасбулатова по телевидению, где он обоснованно заявил, что указ № 1400 – не что иное, как свержение конституционного строя, и может квалифицироваться как государственный переворот. Это обращение удалось показать по телевидению в начале одиннадцатого вечера. Оперативно собравшийся Президиум Верховного Совета без колебаний констатировал: президентский указ – это грубое и откровенно-циничное попрание Конституции, ведущее к расколу и распаду российской государственности. Такие действия инициаторов подпадают под статью 121-6 Основного закона: **“Полномочия президента Российской Федерации не могут быть использованы для изменения национально-государственного устройства Российской Федерации, роспуска либо приостановления деятельности законно избранных органов государственной власти, в противном случае они прекращаются немедленно”**. Объявив незаконный указ, Ельцин автоматически утрачивал президентские полномочия. Никакого другого варианта Конституция не допускала.

В этот же день, 21 сентября, в 21.30 началось экстренное заседание Конституционного суда. Тринадцати его судей, от которых многое зависело. Благодаря исключительному профессионализму председателя суда В. Зорькина

удалось принять единственно правильное решение: констатировать нарушение президентом целого ряда статей Конституции, за что он должен быть отрешён от должности. “За” проголосовало 9 судей, “против” – 4. Судьи точно зафиксировали факт попрания Конституции, государственного переворота, совершённого Ельциным.

Ночью – в 0 часов 15 минут 22 сентября – состоялось экстренное заседание Верховного Совета. Большой зал был переполнен, появилось много журналистов, особенно иностранных, прибыли представители близлежащих регионов. Прозвучала информация о ситуации в стране: сессии Советов 29 регионов квалифицировали указ как противозаконный и осудили его. А руководители Приморского края заявили о возможности отделения от России. Черномырдин, Филатов – приближённые Ельцина – разразились угрозами.

Потом пропрезидентская, точнее, купленная пресса навела тень на плетень, навязывала и внедряла мысль о “парламентском мятеже”. Тогда далеко не все поняли, что **Верховный Совет не отстранял Ельцина от должности, лишь зафиксировал конституционное отрешение его от президентских обязанностей, которое вытекало из его антиправового указа. И Конституционный суд не отрешал президента-мятежника. Он сам отрешил себя.** Полномочия президента автоматически переходили к вице-президенту А. Руцкому. Таков закон.

В расколоте и одуроченном обществе оценки “кремлёвского путча” были самыми противоположными. И всё же большинство граждан не взирали безучастно на происходящее.

А народные депутаты всё прибывали и прибывали на съезд. Чувствуя, что Ельцин будет неизбежно отрешён, “путчисты” пытались “купить” хотя бы 300–350 народных избранников особыми привилегиями. Гарантируется всем, кто покинет съезд, сохранение служебных квартир в Москве, а также пособие в размере 75 процентов от ежемесячного оклада. Депутаты должны всего лишь отказаться от своих полномочий – и никакого предательства! Главное, чтобы не набралось кворума! Лишь сто депутатов после интенсивной обработки, торговавшись, “клюнули” на приманку, предали товарищей и своих избирателей. Но сорвать съезд всё-таки не удалось. Кворум был обеспечен, несмотря на угрозы и шантаж.

Каковы же цели переворота? Это стремление президента и его окружения уйти от ответственности за развал страны, за национализм и сепаратизм, резкое ухудшение жизни народа. Попытка переложить ответственность за себя на представительную власть, сохранить бесконтрольный авторитарный режим. Главное, спасти себя и криминальных нуворишей, опору власти, то есть тех, кто награл богатства, созданные поколениями советских людей. И ещё, предавая национальные интересы, получить карт-бланш, согласие Запада на своё существование. Международные финансовые и промышленные корпорации уже всюду запустили руки в огромные природные богатства России.

К этому времени 82 региона России в той или иной форме осудили переворот, поддержали решения Конституционного суда, Верховного Совета и Съезда народных депутатов Российской Федерации. Среди органов государственной власти субъектов Федерации значился и Совет народных депутатов Калужской области. А председатель Курского областного Совета В. Лихачёв заявил: “Практически всё центральное Черноземье осудило кремлёвский переворот и готово создать свою республику с приглашением туда любых органов власти, запрещённых Ельциным”.

Однако невменяемые “путчисты” не собирались возвращаться в лоно закона. 22 сентября последовала угроза, а на следующий день были отключены водо-тепло-энергоснабжение и телефонная связь. Войска блокировали все подъезды и подходы к “Белому дому”. Продолжались шантаж, угрозы, поддачки, провокации. Готовился захват здания и расправа с депутатами.

Начались блокадные дни и ночи. Съезд депутатов принимает закон “О федеральных уполномоченных съезда”, который предусматривал привлечение депутатов всех уровней для восстановления конституционного строя. Эта акция вверх Ельцина и его сторонников в шок, им теперь приходилось вступать в конфликт с региональными Советами. И ельцинисты решили использовать “шахтёрский ресурс”. В Кузбасс прибыл Станкевич с группой агитаторов. Они стараются поднять шахтёров и те... едут, чтобы стучать касками на “гор-

батом мосту”, с пролетарской прямоотой угрожать депутатам и ещё более де-стабилизировать обстановку.

В это время в некоторых регионах России главы администраций, назначенные Ельциным, пытаются перехватить власть у Советов, которые поддержали Верховный Совет. Силовой захват власти произошёл в Брянске. Омоновцы ворвались в здание Совета, избили сотрудников и депутатов. **Команда Ельцина приступила к репрессиям. Этот любитель независимости не оставался ни перед чем, если прикажут заокеанские хозяева. Им был нужен Ельцин-марионетка, который безропотно открыл все кладовые и все госсекреты, крушил в угоду новым хозяевам ВПК и ядерный щит страны.**

Как подавить ельцинский мятеж, почему молчат рабочие заводов и фабрик, труженики села, “свободолюбивая” интеллигенция, особенно чуткая к “правам человека”? Ведь они уже почувствовали на себе итоги грабительской приватизации, методы бесчеловечной шокоотерапии.

Закончился золотой век пролетариата. У властного руля встала невиданно самоуверенная и наглая популяция “режиссёров”, злобных диссидентов и прочих “детей Арбата” с большой дороги “цивилизации”.

Неслыханная ранее геббельсиада с её патологией чудовищной лжи царилла на ТВ и радио. Народ покорно-равнодушно принял правила игры такой “демократии”, когда за словами о свободе следует расстрел. Со всех сторон нагрянули, как писал Рубцов, “иных времён татары и монголы”.

В Москву прибывало подкрепление к 40 тысячам войск, стянутых вокруг парламента. Три тысячи омоновцев прибыли из Северной Осетии, других мест. Но были и другие факты: солдаты и их командиры из дивизии имени Дзержинского отказались выполнять преступный приказ. Их заменили бойцами резерва ОМОНа.

Вот уже неделю у стен Дома Советов несменяемо стояли москвичи и защитники Конституции, прибывшие их регионов. Их не пугала жестокая блокада: скудное питание, холодные утреники в примитивных палатках, рёв милицейских громкоговорителей, свистопляска лакейских СМИ. Днём на площади митинговало до 10 тыс. человек – ветераны, женщины, зрелые мужчины, отцы семейств, молодёжь и совсем ещё подростки. Цвет нации, истинные герои. Озябшие, голодные, усталые, но не дрогнувшие перед лицом циничного всевластья узурпаторов, которые, ещё недавно свергая власть “партократов”, кричали: “Вся власть Советам!”

Интеллигенция изменила своему народу. Не захотела быть народом. Один сочинитель с русской фамилией заявил: “Этих сволочей надо было стрелять”. Сократы курилок и Спинозы кухонь выродились в лакейство, приняв денежное содержание из-за “бугра”. И до сих пор сводят счёты с Россией. Вынужденная эмигрантка М. Розанова назвала их “порчаками” и псами кудлатыми. Не все, конечно, были такими ушлыми. Мы помним “Слово к народу” представителей истинной интеллигенции, которые несли и несут крест “своего особого предназначения”, как говорил Пушкин.

...В субботу 25 сентября я был на Краснопресненской набережной на подходе к Дому Советов. Вот он, совсем рядом. Да не тут-то было. Все подходы к зданию заблокированы заграждениями, солдатской и милицейской массой, грузовиками и противопехотной колючей проволокой, спиралью Бруно, остервенело рассекающей тело человека, рискнувшего преодолеть её. Поэтому она запрещена международной конвенцией. Понятно, что ради удержания захваченной власти отрешённый от неё Ельцин с пособниками пошли ва-банк. Какая-то гнетущая зловещая тишина царилла вокруг...

Огляделся. Как-то надо пробиваться в лагерь осаждённых, всё увидеть своими глазами. Заметил суетливую группу телевизионщиков со вскинутыми на плечи переносными телекамерами, они спешили к подъезду жилого дома. Я – за ними, думаю, эта братия знает все ходы и выходы. И точно, подъезд оказался сквозным. Пересекли тесный дворик и оказались на задах Дома Советов, нас разделяет всего-то метров семьдесят ухоженного газона. Но и он оцеплен густыми солдат и ОМОНа. Как говорится, семя и овам. Пока оценивал обстановку, телевизионщики просочились через узкую щель наскоро сооружённой калитки, которую буквально держали в руках солдаты в форменных бушлатах. Обращаюсь к ним:

– Ребята, я депутат Калужского городского Совета народных депутатов, журналист областной газеты “Знамя”.

Показываю удостоверение одно, другое... Смотрят с некоторым недоумением, как-то тушуются. Пригляделся к одному из них, что постарше, слабая живинка дрогнула на его лице. Спрашиваю, сам не знаю почему:

– Откуда родом, сержант?

И он вдруг отвечает:

– Тамбовский...

– Так ведь и я жил в Тамбове на улице Августа Бебеля, знаешь такую?

– Знаю, в школе учился...

– Вот-вот, в самом конце улицы, здание старинное из красного кирпича.

Сержант утвердительно кивнул, понял, что я не обманываю. И указывает мне на едва приметную будку, притулившуюся тут же в углу за огромными бочками, мотками проволоки, ведрами и лопатами. Подхожу и по-военному так обращаюсь к почти такому же парнишке, но уже лейтенанту. Всё повторю сизнова, кроме улицы Бебеля. Показываю удостоверения:

– Меня депутаты командировали... очень нужно...

А он в ответ:

– Да слышал, слышал...

Лейтенант идёт со мной к калитке. И вот я спешу вдоль газона к каменной громаде здания. Кого вокруг только нет! Надрывно трещит спецмашина. Люди небольшими группами передвигаются в самых разных направлениях, оружия не видно, но повсюду стоят зелёные контейнеры под охраной омовцев, они здесь хозяева. Многочисленные двери здания то и дело отворяются, входят люди, почти никто не выходит. В одну из дверей вошёл и я.

И сразу почувствовал несвежесть холодного здания. В коридоры медленно вползал дурной запах. Остановился, куда же пойти? “На пятый этаж, на пятый...” – сообщил мне проходивший мужчина, видимо приняв меня за вновь прибывшего добровольца-защитника. Лифт не работал, и я по широким пролётам лестницы поднялся на пятый этаж. Вскоре очутился в большом вестибюле, набитом разнообразным, порой экзотическим людом. Мелькали казачьи френчи, сюртуки с газырями, пиджаки и куртки. На стульях и спинках скреплённых кресел лежало живописное разнообразие верхней одежды, шапок, кепок, фуражек, папах. Тут же в простенке у пустой торговой витрины женщина в белом фартуке наливала в одноразовые стаканчики сок и выдавала маленький бутерброд с сыром – всё, чем можно было подкрепиться в осаждённой депутатской твердыне.

В зале заседаний шла нескончаемая сессия Верховного Совета. На балконе допускали представителей СМИ, да и активно желающих посмотреть, как идёт работа. Пошёл и я взглянуть, что происходит... Тишина и глубокий полумрак. Микрофоны не работают, на столе президиума несколько свечек да кое-где по краям проходов зала тусклые огоньки застывшего пламени.

Едва слышный говор доносится до балкона. Кворум обсуждает проекты законов, постановлений, обращений. Суровая блокадная обстановка. Как-то не верилось в реальность происходящего, тягостная гнетущая тишина, скорбная и безжалостная. Походило на театральное действие не только здесь, но и вокруг цитадели российского парламентаризма.

Вернулся в вестибюль. Кое-что изменилось... Заметно прибавилось телевизионщиков и активных дам с мобильными телефонами, которые тогда были редкостью. Дамы что-то выкрикивали, и табунчики операторов с “взхвэсками” куда-то спешно топали, подхватывая провода и раздвижные треноги. Были среди них иностранцы, которые выделялись джинсовой униформой и вальяжной манерой довольного лакейства. А что если взять интервью у самих жрецов самой объективной и оперативной продукции?... Подошёл к корреспонденту “Голоса Америки” (он был с табличкой на шнурке) и тут же без обиняков поинтересовался: а как вы лично относитесь ко всему происходящему в Доме Советов и на подступах к нему? А в руке держу блокнот с карандашом. Мой американец опасливо взглянул на мой блокнот, как-то сразу сник, засуетился и на чистом русском языке произнёс: “Подождите минуточку, я сейчас...”. Напрасно я терпеливо ждал, сбежал поборник свободы слова.

Между тем сессия прервалась, объявили перерыв до вечернего заседания. Господи, какой вечер! – у них и днём ночь в зале. Я решил пойти по кабинетам, в надежде попасть к кому-нибудь из начальства. Ни к Руцкому,

ни к Хасбулатову меня не допустили на милицейском посту, кстати, освещённом настольной лампой. (Значит, у кого-то электричество было!) Нельзя, они заняты... И никаких разговоров. Тогда я повернул по коридору влево, вправо, пока не добрёл до таблички: “Р. Г. Абдулатипов. Председатель Совета национальностей”. Зашёл в приёмную, представился. Помощник сказал, что надо подождать, у председателя посетитель. Минут через десять посетитель вышел, а помощник зашёл в кабинет. Через минуту я услышал “входите”.

За столом у окна сидел знакомый мне по кадрам телевидения горец с глубоким спокойным взглядом. Он привстал, поздоровались. Я сказал, кто я и откуда, и тут же спросил, какого содержания телеграммы, сообщения поступают в эти осадные дни от парламентов Европы, других краёв света, где наверняка внимательно наблюдают за происходящим в России.

— Почти ничего не поступает, — ответил председатель. — Так, две-три телеграммы за всё время. Из Молдавии, из Болгарии... Европа делает вид, что ничего не происходит, а если и происходит, то это их не касается.

Я рассказал о случае в вестибюле с исчезнувшим американцем. Абдулатипов рассмеялся:

— Вот видите, всё одно к одному. Они политкорректны... Он не журналист, а политтехнолог. Я так полагаю, что развязка будет похожей, как в Чили при Пиночете. А их молчание — знак одобрения.

Поговорили ещё минут около десяти. На прощание Абдулатипов сделал надпись “Защитнику Конституции” на своей визитке и вручил её мне. Она и сейчас, сильно выцветшая, лежит в моём столе.

Я ещё походил по зданию. В одном месте второго этажа с балкона, выходящего во внутренний дворик, депутаты говорили с собравшимися. Кто они? Увидел пенсионеров, среди них двух калужанок, знакомых по митингам и клубу избирателей. Они помахали мне руками. Я ответил им тем же... Депутат, кажется из Пскова, говорил, что сдаваться они не собираются, чувствуя поддержку народа и зная свою правоту. В общем — до победы!

Я вышел из здания. Во дворе всё так же надрывно трещала спецмашина, видимо подавая электричество на посты охраны пленников и заложников ельцинской демократии. Отряды мирных защитников-добровольцев поспешали куда-то. Как будто что-то готовилось, назревало и вскоре должно было произойти.

На Краснопресненской набережной явно прибавилось машин оцепления, всё туже стягивалось кольцо колючей проволоки, живой цепи солдат внутренних войск, милиции. На их лицах ни малейшего утреннего благодушия. Как видно, поступил новый приказ.

Я пошёл по пустынной набережной к метро. У самого тротуара — два “жигулёнка”, из которых буквально выскочили какие-то люди в униформе неопределённого покроя. Машинально заглянул через стекло дверцы: на заднем сиденье лежали два автомата — “калашников” и короткоствольный израильский “узи”...

Ровно через неделю добровольцы-офицеры со знанием дела прицельно стреляли из танковых пушек по зашторенным окнам Дома Советов, словно по вражеским амбразурам. Стреляли вакуумными снарядами представители так называемой гвардии президента — кантемировцы и таманцы, бригады из Тёплого Стана. Тогда героем выглядел на экране телевизора лейтенант Русаков, давая интервью после содеянного преступления. И каким же жалким предстал он, попав в Чечне в плен в ноябре 94-го! Есть Божий суд!..

Утром в огне штурма 4 октября свой подвиг творили священники, причащали, крестили, исповедовали игумен Никон и протоиерей народный депутат России Алексей Злобин, направленные в Дом Советов с патриаршего благословения. “Мне предлагали уйти, но я остался, — вспоминал отец Алексей, — потому что не мог бросить верующих без последнего причастия. Когда пули стали залетать в нашу церковь, мы с отцом Никоном перешли в другую комнату и там во время боя читали Акафист”. Сколько погибло людей в дни преступного ельцинского расстрела, до сих пор доподлинно не известно. Власть тщательно скрыла кровавые итоги установления нового порядка.

Юрий Михайлович Воронин осенью 93-го был первым заместителем Председателя Верховного Совета России, одним из главных руководителей обороны Дома Советов и защиты конституционного строя. Позднее написал честную книгу о тех героических и трагических днях. Приведу из неё заключительные слова: **“Ельцинизм, как общественное явление, как синоним**

власти, претендующей на новую геополитическую роль, войдёт в историю Российской государственности чёрным несмываемым пятном. Как криминально-мафиозная система, коррумпированная на всех уровнях управления”.

Через год после расстрела Дома Советов системный русоненавистник Бжезинский констатировал: **“Россия побеждённая держава, она будет раздроблена и под опекой”**. Это указание обретало всё более реальные очертания. На сайте пресс-центра миллиардера М. Ходорковского (того самого!) в 2004 году обсуждался “план спасения России”, заключавшийся в её присоединении к США. А ещё ранее был организован фонд “Открытая Россия”, в совет директоров вошли представители русофобствующей элиты. Цель фонда – консолидировать в “надёжных руках” богатства России. В этом и состоит их план “модернизации”. От имени всех россиян они обратились к США с призывом “придите и владейте нами”.

Вскоре война в Чечне накрыла чёрным крылом Россию, заслонила ещё более тяжкими преступлениями те трагические дни, но забыть их нельзя.